

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Л. М. Демин

ЯВАНСКАЯ ИМПЕРИЯ МАДЖАПАХИТ И СУМАТРАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО МАЛАЙЮ

(Из истории Индонезии XIII—XIV вв.)

Национальный музей в Джакарте может по праву гордиться богатейшей коллекцией древних каменных скульптур. Украшением этой коллекции служит огромная тяжеловесная статуя из красноватого камня¹ (см. рис. 1) — фигура Адитьявармана, раджи княжества Малайю на Центральной Суматре, жившего в XIV в., в эпоху расцвета средневековой яванской культуры и империи Маджапахит [см. 16; 18; 19; 28; 30]. Она была обнаружена в джунглях Западной Суматры, на северном берегу р. Батанг Хари у поселения Сунгей Лангсат² еще во времена голландского колониального господства.

О дальнейшей судьбе статуи рассказывается в книге Ф. Шнитгера «Забутые королевства на Суматре». Колониальные власти решили переправить ее из джунглей в один из крупных центров. Три сотни кули спускали каменную фигуру с высокого берега с помощью толстых канатов на крепкий плот. «Много дней потребовалось для того, чтобы переправить эту колоссальную статую вверх по течению от Сунгей Лангсата до Сунгей Дарена, — писал Ф. Шнитгер. — Там она была погружена на грузовик и доставлена в Сиджунджунг. Во время перевозки разразилась сильная буря, и огромное дерево рухнуло прямо перед грузовиком, едва не раздавив статую при своем падении. Создавалось впечатление, будто дух умершего раджи протестовал» [24, 32].

Некоторое время фигура Адитьявармана находилась в этом городке, а через несколько месяцев было решено отправить ее в Форт де Кок³. Статую установили на холме в зоологическом саду. Впоследствии она была перевезена в Национальный музей Джакарты. Статуя Адитьявармана имеет внушительные размеры и устрашающий вид [см. ее описание, например: 12, 24—25; 24, 30—32; 27 и сл.]. Общая высота изваяния — 4,4 м, вес — более 4 т. Адитьяварман изображен в статичной торжественной позе, попирающим человеческое

¹ Эта статуя числится в коллекции музея под номером 5470.

² Расположено в среднем течении реки, на значительном удалении от ее устья, на стыке границ современных провинций Джамби и Западная Суматра, где Восточно-суматранская низменность переходит в нагорье, населенное народом минангкабау [24, 30—32].

³ Сейчас г. Букиттингги — административный центр провинции Центральная Суматра.

тело, лежащее на пьедестале из восьми черепов. В правой руке раджа держит нож, в левой — чашу из черепов. Большие пальцы обеих его рук, а также мизинцы ног украшены кольцами, а лодыжки, запястья и верхние части рук — браслетами в виде змей, в ушах — серьги. Нижняя часть туловища прикрыта коротким саронгом с клетчатым узором⁴, оставляющим открытыми голени. Лицевая, свешивающаяся часть нарядного кушака украшена часто встречающимся в декоративном искусстве того времени мотивом — головой злого чудовища Кала, которое держит во рту нитку жемчуга с колокольчиком на конце. Волосы раджи собраны в высокую пышную копну, вздымающуюся вверх и стянутую у основания лентой или обручем.

Весьма примечательно малозаметное на первый взгляд миниатюрное изображение Аксобхи (Будды-созерцателя) в углублении на лицевой стороне прически раджи. Эта фигурка, как и некоторые другие атрибуты изваяния, указывает на его связь с буддистской религией. Голова Адитьявармана окружена сияющим нимбом, который мы видим на вертикальной каменной плите, составляющей вместе со статуей единое целое.

Человеческая фигура, попираемая раджей, обнажена. Ее ноги поджаты под туловище. По всей видимости, судя по прическе, это гуру (учитель, божество в образе учителя, наставника). Основание статуи отдаленно напоминает традиционный мотив двойного лотоса, в форме которого обычно делались постаменты индонезийских средневековых каменных скульптур. Только в данном случае лепесткам лотоса соответствуют человеческие черепа.

«Фигура Адитьявармана, высеченная из красноватого камня, произвела и производит на исследователей огромное впечатление. Эта статуя свидетельствует о техническом совершенстве искусства ваяния, проявившегося особенно в украшениях на фигуре. Но это не рассеивает ужасного впечатления, если мы увидим статую, черепа и человека под ее ногами» [12, 25].

Кто же такой Адитьяварман и какую роль он сыграл в истории средневековой Индонезии? Что известно о его княжестве, носившем название Малайю? С какой религиозной системой связана его скульптура и какие ритуалы нашли свое отражение в ее столь специфическом характере?

Скудность исторических источников⁵ не дает возможности ответить на эти вопросы с исчерпывающей полнотой. Тем не менее для исследования может быть использован определенный круг письменных памятников и предметов материальной культуры.

Имя Адитьявармана упоминается в исторической хронике — поэме «Нагаракертагама». Именно поэтому крупнейшее произведение средневековой яванской литературы, написанное на древнеяванском языке кави около 1365 г. придворным поэтом Прапаньчей и посвященное событиям царствования махараджи Маджапахита Хаяма Вурука и его ближайших предшественников, может послужить для нас важнейшим историческим источником [21; 2].

⁴ Традиционное малайско-индонезийское одеяние, обычно расписанное орнаментом.

⁵ Немногочисленность памятников материальной культуры, связанных в той или иной мере с именем Адитьявармана или хотя бы с периодом его правления на Центральной Суматре, объясняется тем, что данный район весьма слабо освоен в археологическом отношении. Кроме того, по всей вероятности, в эпоху средневековья основным строительным материалом здесь было недолговечное дерево. Очевидно, из дерева строились и жилища аристократии, и ритуальные сооружения, не сохранившиеся до наших дней.

Рис. 1. Статуя Адитьявармана

Некоторую вспомогательную роль при исследовании может сыграть и другой литературный памятник — «Параратон», созданный, по-видимому, позднее, чем поэма. «Параратон» в принципе представляет собой компилятивную обработку различных легенд, хроник, более ранних рассказов, не имевших в значительной своей части ничего общего с реальной историей, однако некоторые сюжеты «Параратона», очевидно, навеяны имевшими место историческими событиями [20; 13].

Кроме того, раджа Адитьяварман оставил ряд надписей на камнях и каменных статуях. Часть из них переведена и издана. Исследованием этих эпиграфических памятников занимались западные, преимущественно голландские, ученые: Дж. Керн, Н. Кром, Дж. Мунс, Ф. Шнитгер, а также индийский профессор Чаттерджи [14, т. VI, 239—263, 266—275; т. VII, 165—175, 217—221; 15; 18; 23; 9]. В Индонезии последней значительной работой, подвергающей анализу семь надписей Адитьявармана, был опубликованный в 1966 г. реферат лектора Малангского педагогического института Питоно Харджовардой [12, 9—23].

Из этих весьма немногочисленных источников мы узнаем, что Адитьяварман, живший в XIV в., был современником Хаяма Вурука и его всеильного главного министра (мапатиха) Гаджа Мады. Адитьяварман был связан родственными узами с правящей династией Маджапахита. Однако относительно степени его родства с махараджей Хаямом Вуруком и характера взаимоотношений его княжества с Маджапахитской империей бытуют разные точки зрения.

Длительное время район Малаю входил в состав империи Шривиджайя (возникла, вероятно, не позже середины VII в.), охватывавшей в период своего расцвета в IX—X вв. всю Восточную Суматру с прилегающими островами, Малаккский полуостров и крайний запад Явы (район Бантама). Важную роль в возвышении этого государства, контролировавшего Малаккский пролив, раньше играла морская торговля. Однако уже к XIII в. Шривиджайя пришла в упадок и пережила процесс распада. Ее влияние на морских торговых путях было подорвано арабскими торговцами и молодыми мусульманскими княжествами Малаккского полуострова.

Упадок Шривиджайи привел к активизации сепаратизма феодально-племенных сил Суматры. Отдельные ее области превратились в более или менее независимые княжества: Самудра на севере, Малаю на восточном побережье Центральной Суматры, Палембанг на юге, в нижнем течении р. Муси.

Распад суматранской империи на ряд мелких государственных образований, соперничавших между собой и стремившихся закрепить свою независимость от агонизирующей Шривиджайи, создал благоприятные возможности для осуществления экспансионистских планов восточно-яванского государства, политическим центром которого в XIII в. был Сингасари. Здесь начинают складываться более развитые феодальные отношения.

Энергичный правитель Сингасари Кертанагара (1268—1292) пытался распространить восточнояванское влияние далеко за пределы своего государства [см. 12, 35—36; 29, 63—65]. В его паньяванской политике угадываются черты того политического курса, который более последовательно и успешно проводился в следующем столетии Гаджа Мадой. Вероятно, Кертанагара подчинил на некоторое время часть Суматры и Малаккского полуострова.

В 1275 г. Кертанагара предпринял политическую или военную акцию в отношении Центральной Суматры с целью подчинения Ма-

лайю⁶, где в то время правил раджа Мауливармадева. Эта акция получила название «Памалайю». Упоминание этого события в «Нагаракертагама» ограничивается лишь приведением даты экспедиции [21, т. III, 47].

Многие из исследователей рассматривают «Памалайю» как военный завоевательный поход, результатом которого было подчинение одного из суматранских княжеств и превращение его в плацдарм яванского влияния. Такова, например, точка зрения видного голландского ученого В. Стютерхейма. По его образному определению, «Малайю в период правления Мауливармадевы была пистолетом, направленным в грудь Шривиджайи, и пистолет этот находился в руках яванцев, оказавшихся более искусными» [29, 103]. Индонезийские официальные издания (например, многотомный справочник по провинциям Республики Индонезии) также обычно рассматривают «Памалайю» как военную экспедицию [см. 22, 53—56].

Однако другой голландский исследователь, С. Берг, отрицает интерпретацию слова «Памалайю» в смысле завоевательной экспедиции и считает, что никакого военного похода против центральносуматранского княжества яванцы не предпринимали. Речь, по мнению Берга, шла лишь о заключении соглашения с Малайю. Эту акцию ученый рассматривает как часть усилий Кертанагары по сплочению индонезийских государств в своего рода «священный союз» перед лицом угрозы монголо-китайского нашествия [7, т. IV, 481—520; т. V, 198—202].

Индонезийский исследователь Питоно Харджовардой соглашается с точкой зрения Берга, приводя свои аргументы, подкрепленные лингвистическим анализом. Он ссылается на свидетельство «Параратона» о «Памалайю». По мнению Харджовардой, неверное истолкование их как военной экспедиции происходит от перевода яванского глагола «andopa» как «атаковать», тогда как это слово может иметь и другое значение: «намереваться», «иметь целью». Таким образом, другой вариант перевода этого слова дает основание для иного объяснения «Памалайю» [12, 36].

При всей разноречивости мнений о методах политики Кертанагары на Центральной Суматре несомненным является его стремление закрепить здесь свое влияние. Из источников нам известно [см. 12, 37], что в 1286 г. правитель Сингасари послал в дар радже Малайю статую Амогхапасы (одного из бодхисатв), которой поклонялись и как образу прежнего раджи Вишнуварджана, отца Кертанагары, считавшегося воплощением данного представителя буддистского пантеона. Этот дар Сингасари можно истолковать и как знак духовного единства двух государств, и как символ покровительства со стороны яванцев. Английский исследователь Дж. Холл пишет, что появление на Суматре статуи — подарка Кертанагары — «можно рассматривать как вывоз его собственной шакти⁷ в страну, которой угрожала монгольская экспансия» [6, 72].

Из текста надписи Паранг Рочо⁸, датированной 1286 г. и сообща-

⁶ Необходимо отметить, что в конце XIII в. Малайю была уже одним из самых значительных государственных образований на Суматре. Видимо, поэтому мы находим название Малайю у посетившего в 1292 г. Суматру Марко Поло, который при этом вовсе не упоминал Шривиджайю [см. 29, 105]. В указанное время название центральносуматранского княжества употреблялось также для обозначения всей Суматры.

⁷ Под термином «шакти» здесь имеется в виду символ силы и могущества правителя.

⁸ Обычно надписи в научной литературе носят названия по имени населенного пункта или местности, где они обнаружены.

ющей о посылке статуи в дар радже Мауливармадеве, мы узнаем, что ее сопровождало представительное посольство из высших вельмож Сингасари во главе с Шри Вишварупа Кумарой. Дар восточнояванского раджи был с восторгом принят Мауливармадевой и его подданными. Фигуру Амогхапасы установили в районе Дхармашрайи (дельта р. Кампар) [см. 12, 37].

Делая попытку выяснить личность Вишварупа Кумары, П. Харджовардой предполагает, что титул Кумара указывает на принца крови. К сожалению, история не оставила нам свидетельств относительно того, имел ли Кертанагара мужское потомство. Законным наследником этого раджи суждено было стать его племяннику и зятю Кертараджасе (1293—1309), деду Хаяма Вурука. Однако П. Харджовардой допускает возможность того, что этим послом мог быть неизвестный нам сын Кертанагары или какой-либо другой отпрыск правящей династии Сингасари [12, 38]. Таким образом, по мнению исследователя, столь высокий уровень посольства мог свидетельствовать скорее о союзнических отношениях, чем об отношениях сюзерена и вассала.

Свое влияние на Центральной Суматре Кертанагара пытался закрепить и с помощью родственных династических связей. После «Памалайю» на Восточную Яву были привезены две малайские принцессы, одна из которых, согласно Стюттерхейму, вышла замуж за Кертанагара. Вторая принцесса вступила в брак с другим представителем династии, имя которого неизвестно. От этого брака родился принц, ставший наследником (или одним из ближайших наследников) Мауливармадевы в княжестве Малайю. Это и был Адитьяварман [см. 29, 103—104].

Несколько иная точка зрения у Берга. По его мнению, вторая принцесса, Дара Джингга, по обычаям буддистской секты Бхайрава сперва вступила в брак также с махараджей, а затем была отправлена на Суматру и там стала женой Вишварупа Кумары (которого Берг считает сыном и преемником Мауливармадевы). Если принять точку зрения Берга, замечает Дж. Холл, то можно предположить, что сыном Дара Джингги и Вишварупа Кумары был Адитьяварман, который в силу двойного брака своей матери считался старшим сыном суматранского правителя и младшим родичем махараджи [6, 80]⁹.

П. Харджовардой, опираясь на «Параратон», свидетельствующий, что Дара Джингга вступила в брак с «дева» и родила сына — раджу Малайю, подчеркивает, что этот аристократический титул обычно не встречается на Яве и в яванской литературе. Он скорее может быть титулом суматранского принца. Возможно, что им мог быть сам Мауливармадева или кто-нибудь из членов его династии [см. 12, 38].

Достигнув совершеннолетия, Адитьяварман был отправлен на Восточную Яву, новым политическим центром которой стал Маджапахит в долине р. Брантас (вблизи современного г. Моджокерто). Суматранский принц получил воспитание в кратоне маджапахитских правителей. Очевидно, пребывание Адитьявармана при дворе махараджи Маджапахита диктовалось стремлением правителя восточнояванского государства воспитать своего ставленника и тем самым закрепить свое влияние на Центральной Суматре.

⁹ Если согласиться с Бергом и отождествить отца Адитьявармана с Вишварупа Кумарой, то придется допустить, что во главе посольства, доставлявшего статую Амогхапасы от Кертанагары в дар радже Малайю, стоял суматранский, а не яванский принц. Но тогда получается, что речь шла о посольстве не из Сингасари, а, наоборот, из Малайю, отправленном на Яву за дарственной статуей. Однако такое предположение не подкрепляется содержанием надписи Паданг Рочо.

Не лишенный, по-видимому, способностей, Адитьяварман делает карьеру при дворе, получает одну из высших сановных должностей «мантрипраудхатара», участвует под руководством главного министра Гаджа Мады в военном походе с целью завоевания о-ва Бали и становится одним из видных сподвижников всемогущего мапатиха, осуществлявшего панъяванскую политику в рамках значительной части Индонезийского архипелага¹⁰.

Как правило, в работах большинства зарубежных исследователей истории средневековой Индонезии Адитьяварман является лишь эпизодической фигурой. В советской востоковедной литературе пока, к сожалению, нет капитальных исследований по истории средневековых индонезийских государств, и в частности Маджапахита. В таких общих работах, как «Всемирная история», статьи Советской исторической энциклопедии и соответствующие разделы университетских курсов по истории средних веков зарубежной Азии, изданных МГУ и ЛГУ, дается лишь общий и сравнительно краткий обзор исторического развития Индонезийского архипелага в эпоху средневековья. Авторы не забывают обратить внимание читателя на экспансионистский характер панъяванской политики Кертанагары и Гаджа Мады [см. 1, 174]. Но далеко не во всех из этих публикаций упоминается имя Адитьявармана. Даже в наиболее обстоятельных зарубежных работах мы обычно не встречаем четкой его оценки как сподвижника мапатиха Гаджа Мады. Так, на наш взгляд, оценка Адитьявармана в работе Харджовардой как выдающейся личности, чуть ли не равной по своему значению мапатиху, не подкрепляется какими-либо убедительными фактами. По мнению автора, Адитьяварман был верным соратником Гаджа Мады, помогавшим ему осуществлять программу установления доминирующего влияния Маджапахита над значительной частью архипелага. Но этот деловой контакт не мог оказаться продолжительным, хотя и не привел к открытому конфликту. Оба они отличались честолюбием и преследовали несовместимые цели. Гаджа Мада стремился к максимальному распространению господства Маджапахита в Нусантаре¹¹, Адитьяварман был заинтересован в укреплении и расширении своего княжества [см. 12, 30—31].

Эти выводы могут быть в общих чертах и правильными. Но, к сожалению, мы не располагаем источниками, которые конкретизируют

¹⁰ П. Харджовардой на основе анализа свидетельств средневековых яванских и балийских хроник «Бабад Танах Джави», «Усана Джава» и «Усана Бали» считает возможным идентифицировать Адитьявармана с Арья Дамаром, видным полководцем и сподвижником Гаджа Мады, принимавшим активное участие в военных походах на Бали. В хрониках сообщается, что у махараджи Маджапахита был младший брат по имени Дамар из Палембанга. Как мы уже упоминали, Адитьяварман (если предположить, что он сын принцессы, бывшей в первом браке за Кертанагарой) мог для племянника и зятя последнего — махараджи Кертараджасы (речь идет в данном случае, видимо, о нем) считаться с известными натяжками братом. «Кто эта личность Арья Дамар? По моему мнению, это одно и то же лицо, что и Адитьяварман», — утверждает индонезийский исследователь. Свои доводы П. Харджовардой пытается подкрепить и элементами лингвистического анализа текстов, имеющих отношение к той или другой исторической личности. Так, автор указывает, что слово «дамар» означает на древнеяванском языке «сияние», «сиять». Имя Арья Дамар может быть переведено как «человек, излучающий сияние». Примерно то же самое значение на санскрите имеет и имя Адитьяварман. Однако ученый все же видит недостаточную убедительность своих доводов в пользу идентификации, приводящих к хронологическим несоответствиям. Он пытается объяснить их вольным обращением авторов хроник — *бабадов* с хронологической последовательностью повествования и нередко по этой причине смещением фактов во времени. На наш взгляд, пока нет достаточных оснований как соглашаться со смелыми выводами индонезийского исследователя, так и категорически отвергать их [12, 32—33].

¹¹ Местное название Индонезийского архипелага.

вали бы характер взаимоотношений этих двух исторических фигур, степень зависимости Адитьявармана и его княжества от Маджапахита и, наконец, обстоятельства отъезда суматранского принца к себе на родину.

Известно, что в 1343 г. Адитьяварман воздвиг в чанди Джаго, одном из восточнояванских святилищ, статую Манджушри-бодхисатвы, — побеждающей неверие и незнание [6, 80]. По мнению Стюттерхейма, это было сделано в знак благодарности за воспитание, полученное при дворе махараджи [29, 104].

Статуя Манджушри — один из шедевров средневековой каменной скульптуры Восточной Явы. Фигура изображена сидящей на цветке лотоса с поджатыми ногами. Голова бодхисатвы окружена нимбом. Одежда, закрывающая нижнюю часть туловища, покрыта рисунком, воспроизводящим различные декоративные мотивы, среди которых встречается фигура слона [см. 12, 20].

Позади и спереди статуи выбиты надписи. Между исследователями ведутся споры о том, есть ли какая-нибудь логическая связь между этими двумя текстами и имеют ли они прямое отношение к Адитьяварману. Босх, например, полагает, что между ними нет никакой связи и что суматранский принц сделал надпись лишь позади статуи [см. 8, № 77, 28]. Против его доводов возражал Н. Кром. По мнению этого видного голландского ученого, было бы странным предположить, чтобы одну и ту же статую могли использовать для своих надписей два разных лица [15, 389].

Можно согласиться с той точкой зрения, что, воздвигнув статую в одном из почитаемых святилищ маджапахитского государства, Адитьяварман желал подчеркнуть свою связь с восточнояванской правящей династией. Вскоре после этого он отправился на Суматру, где стал правителем Малайю, наследовав, очевидно, престол княжества.

О суматранском периоде деятельности Адитьявармана известно очень немного. Все исследователи сходятся во мнении, что он расширил пределы своего княжества за счет внутренних возвышенных областей Центральной Суматры, населенных народом минангкабау. Туда же из района Восточносуматранской низменности был перенесен политический центр Малайю. Именно там были обнаружены некоторые археологические находки, связанные с Адитьяварманом [см. 12, 28—29; 24, 31].

Раджа Малайю оставил несколько надписей на камнях, сделанных по возвращении на Суматру. Первая надпись Капало Букит Гомбак, датированная 1269 г. сака¹², или 1347 г. н. э., позволяет установить, что Адитьяварман вернулся на Центральную Суматру не позднее 1347 г. [12, 9—10]. Язык надписи может быть назван «варварским санскритом», он изобилует множеством орфографических и грамматических ошибок. «Санскритский язык, используемый в этих надписях, — отмечал австрийский историк и этнограф Юго-Восточной Азии Гейне-Гельдерн, — является исключительно испорченным и несовершенным; это явный признак упадка культуры после VII в. — того периода, когда Шривиджайя была центром буддизма» [цит. по: 17, 326—327]. Таким образом, на основании языка надписи можно сделать вывод об ослаблении к тому времени индийского влияния на Суматре и традиционных связей с Индией.

¹² Старая индийская система летосчисления, употреблявшаяся и в средневековой Индонезии домусульманского периода. Календарь сака (санскр. *шака*) был введен в 78 г. н. э., принятом в качестве начальной даты эры.

Другая надпись — на оборотной стороне статуи Амогхапасы, датируемая тем же годом и известная как надпись из чанди Паданг, — также написана на плохом санскрите и содержит много ошибок. Несмотря на то что в силу этого она пока не может быть полностью и безошибочно расшифрована, данная надпись содержит ряд сведений, представляющих интерес. В ней 27 строк, составленных в метрической форме и частично в прозе. Основное ее содержание сводится к восхвалению раджи по случаю установления статуи. В этой надписи Адитьяварман называет себя «махараджадхирайя» (великий махараджа), что может быть расценено как свидетельство усиления его власти и влияния.

В тексте также упоминается некто Токох Дева Туан Прапатих. По всей вероятности, это титул главного сановника (министра) княжества. П. Харджовардой предполагается, что это лицо могло быть яванского происхождения, поскольку титул «патих» («прапатих» — почтительная форма от «патих») не встречается в суматранских надписях [см. 12, 10—15; 9, 79—81; 14, т. VII, 199—168].

Надпись Букит Гомбак II, датированная 1272 г. сака, или 1356 г. н. э., интересна с лингвистической точки зрения тем, что «варварский санскрит» здесь представлен с примесью древнемалайского языка и весьма труден для перевода. Из этого текста мы узнаем, что Адитьяварман основал обитель *вихару* для священнослужителей [см. 12, 15—17].

Надпись Сураасо, датируемая одними исследователями 1349 г., другими — 1353 г., представляет определенный интерес для понимания характера религии, господствовавшей в то время на Суматре [12, 19—20; 18].

Надпись Кубу Раджо (1378 г.), состоящая из 16 строк, привлекает внимание тем, что в ней Адитьяварман называет себя «Канакамединдра», или «раджой земли Канака», т. е. земли золота¹³, а также представителем «династии Индра». Однако о каких-либо ее связях с предшествующими суматранскими династиями мы ничего не знаем. В этом тексте также упоминается отец Адитьявармана, носивший имя Адваявармма (Адваяварман?) [12, 20—21; 8, № 92, 152]¹⁴.

Надпись Бандар Бапахит (найденная вблизи надписи Сураасо), выбитая на коралловом камне, пока не прочитана полностью. Она интересна тем, что одна часть ее исполнена обычным для надписей Адитьявармана санскритским шрифтом, а другая — южноиндийским письмом, отличающимся округленной формой знаков. Это дает основание предполагать, что в числе приближенных раджи были люди из Южной Индии, культурные связи с которой не были окончательно прерваны [см. 12, 21—22].

Все перечисленные нами надписи Адитьявармана относятся к более или менее изученным эпиграфическим памятникам, хотя исследователи еще не решили всех связанных с ними загадок, обусловленных противоречиями в разночтениях. Кроме них известны и другие малоизученные и неизданные надписи этого раджи.

Этот не слишком богатый эпиграфический материал, подкрепленный некоторыми археологическими находками, дает тем не менее основание сделать определенные выводы.

Поскольку надписи охватывают период с 1347 по 1378 г., можно

¹³ Это название имеет то же значение, что и Суварнадвипа, — санскритское название всей Суматры, употреблявшееся в свое время.

¹⁴ Попутно следует обратить внимание, что это имя не имеет ничего общего с Вишварупа Кумарой, которого Берг считает отцом Адитьявармана.

предположить, что правление раджи Адитьявармана в Малайю относится к середине XIV в. Тот факт, что основные археологические находки, связанные с его именем, сделаны в верхнем течении р. Батанг Хари, в возвышенном районе Минангкабау, может рассматриваться как свидетельство переноса туда раджей центра своего княжества. Это перемещение было вызвано не только экспансионистскими стремлениями расширить пределы своих владений за счет плодородных освоенных земель на западе, но и соображениями безопасности, так как политический центр Малайю, удаленный на значительное расстояние от морского побережья, был недостижим для военно-морских сил Маджапахита. Дело в том, что контроль маджапахитского государства над тем или иным удаленным районом архипелага поддерживался лишь с помощью периодических военных экспедиций. И если местному радже или вождю не угрожало нашествие яванцев, он мог вполне считать себя независимым. Не случайно, по-видимому, все надписи Адитьявармана не содержат ни малейшего намека на какую-либо его зависимость от Явы [см. 6, 80].

Вероятно, изменение границ княжества и перемещение его центра в глубь острова ослабили роль морской торговли в его экономической жизни и, наоборот, повысили роль земледелия.

Об общественной жизни и государственном устройстве Малайю судить на основании имеющихся источников очень трудно. Несомненно, это была деспотическая монархия с менее высоким уровнем развития феодальных отношений, нежели тогдашняя Ява. По мнению П. Харджовардой, надписи Адитьявармана свидетельствуют о том, что «в сфере государственного устройства заметно наличие организованного управления и центральной власти» [12, 22]. Очевидно, большую роль в княжестве играли феодально-сановная верхушка, эксплуатировавшая крестьян-общинников, высшие буддистские священнослужители, военачальники. Ясно также, что более или менее феодализованные районы вклинивались отдельными анклавами в территорию, где господствовали общинно-родовые, дофеодальные отношения. В пользу этого предположения говорят как географические, так и этнографические факторы. Первое упоминание княжества у народа минангкабау относится к XIII в. [см. 5, 502; 4, 281]. По-видимому, в то время это было раннеклассовое государственное образование, в котором процесс развития феодальных отношений находился, как и в последующем веке, на ранней стадии. Весьма продолжительное время у минангкабау сохранялась старинная общинная организация. Большой знаток этнографии Центральной Суматры Ю. В. Маретин пишет: «До начала нашего столетия эта народность сохраняла прочную общинную организацию в форме соседской общины со всеми свойственными ей особенностями», а также указывает на сохранение сильнейших пережитков материнского рода [4, 280—281]. Эта устойчивость древних общественных институтов свидетельствует о замедленности процесса развития местного общества в прошлом.

О том, что раджа занимался строительной деятельностью, связанной преимущественно с религиозным культом, свидетельствует как упоминание в одной из надписей о строительстве обители, так и найденные статуи и постройки. Остатки одного из ритуальных сооружений были обнаружены Шнитгером в 1935 г. невдалеке от того места, где была найдена упоминавшаяся выше статуя Адитьявармана [24, 31]. В верховьях р. Батанг Хари и к северу от них (округ Танах Датар) обнаружено немало каменных скульптур, которые могут относиться ко времени Адитьявармана. Но все они не идут ни в какое сравнение со статуей из Сунгей Лангсат.

Из надписей также явствует, что Адитьяварман был ревностным последователем секты Бхайрава, одного из ответвлений тантризма¹⁵. Об этом же свидетельствовал и сам характер статуи раджи, чуждый характерному для яванского шиваизма и буддизма стилю [см. 12, 26—27; 6, 80].

Тантризм был, в свою очередь, ответвлением позднего махаянистского буддизма. Он возник в первые века нашей эры в Индии. По определению А. Н. Кочетова, автора одной из последних крупных работ о буддизме, «путь к спасению, указываемый тантризмом, пронизан представлениями, терминами и требованиями, связанными с областью эротики» [3, 132]. Далее автор указывает, что запутанные и сложные тантрийские обряды восходят к весьма древней магической практике, направленной на повышение плодovitости растений. Получив широкое распространение, буддизм махаяны приспособил к своей системе также представления и обряды, свойственные народным массам, в том числе низшим кастам и отсталым племенам, среди которых тантрийские представления держались особенно прочно [3, 132—133].

Мистическая секта Бхайрава, содержащая в себе и некоторые элементы шиваизма, возникла примерно в VI в. в Восточной Бенгалии. Отсюда она проникла в ряд стран Юго-Восточной Азии, в том числе и на Суматру (в XI в.). Последователи этой секты искали высшего блаженства в достижении мистического союза, единения с божеством. Для этой цели проводились жестокие обряды с человеческими жертвоприношениями. Посвящающий себя в боги попирает тела жертв и пил человеческую кровь, которую рассматривали как «небесное вино». Опыанный кровью и пришедший в экстаз посвященный исполнял ритуальный танец [см. 12, 26; 24, 30—31; 9, 80]. Вероятно, статуя Адитьявармана и запечатлела раджу во время подобного обряда посвящения. Об этом говорят и подножие из человеческих черепов, и фигура жертвы, попираемая раджей. Описание этого страшного обряда мы находим в надписи Суруасо [см. 12, 19—20].

Мы ничего не знаем о судьбах преемников Адитьявармана и конце истории княжества Малайю. Известно только, что на севере Суматры в то время утвердился ислам, начавший свое успешное наступление на буддистские районы. На Малаккском полуострове возвышается молодое торговое государство — Малаккский султанат, начавший теснить своих более слабых соседей. В китайских хрониках династии Мин, относящихся к 70-м годам XIV в., описывающих посольские связи императора с восточным побережьем Суматры, упоминаются три правителя восточносуматранских княжеств: Джамби, Малайю и Палембанга [см. 10, 405; 11, 69].

После 70-х годов XIV в. исчезают всякие сообщения о Малайю как независимом государственном образовании. Его западные районы, очевидно, вошли в состав княжества Минангкабау, восточные — служили объектом притязаний и взаимной борьбы яванцев, китайских пиратов и тайцев¹⁶.

¹⁵ В то же время, по-видимому, прав П. Харджовардой, утверждающий, что секта Бхайрава не имела большого влияния среди народа минангкабау, отверженного своим традиционным обрядам и религиозным представлениям [см. 12, 27].

¹⁶ В одном из сиамских законов, датированном 1358 г., но фактически относящемся к значительно более позднему времени, Малайю упоминается в числе владений тайской державы Аютии [см. 10, 406].

«Нагаракертагама», датируемая 1365 г., упоминает район Батанг-Хари (Дхармашрайя) в числе областей Суматры, подчиненных Маджапахиту. Но это упоминание не подкрепляется никакими суматранскими эпиграфическими свидетельствами и поэтому может расцениваться скорее как декларативное выражение претензий махараджи на сюзеренитет над Малайю, как и другими частями архипелага [см. 21, т. III].

ЛИТЕРАТУРА

1. Демин Л. М. К спору о территориальных границах империи Маджапахит в середине XIV в.,— НАА, 1971, № 2, стр. 172—183.
2. Демин Л. М. Яванская средневековая поэма «Нагаракертагама» и ее идеологическая направленность,— «Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии», М., 1971, стр. 56—71.
3. Кочетов А. Н. Буддизм, М., 1965.
4. Маретин Ю. В. Община Минангкабау и ее разложение (первая треть XX в.),— «Восточноазиатский этнографический сборник», М., 1961.
5. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.
6. Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии, М., 1958.
7. Berg С. С. De Geschiedenis van Pril Majapahit,— «Indonesië», т. IV—V, 1953—1954.
8. Bijdragen tot de taal-, en Volkenkunde, uitgegeven door Koninklijk instituut voor de taal-, land- en Volkenkunde van Nederlandisch-Indië, Amsterdam—'s-Gravenhage, 1928, т. 77.
9. Chatterjee B. R. India and Java,— «Greater India Society Bulletin», Calcutta, 1933, № 5.
10. Coedès G. Les états hindouisés d'Indonésie, Paris, 1948.
11. Groeneveldt C. Historical notes on Indonesia and Malaya. Compiled from Chinese Sources, Djakarta, 1960.
12. Hardjowardojo Pitono S. Adityawarman, Djakarta, 1966.
13. Hardjowardojo Pitono S. Pararaton, Djakarta, 1965.
14. Kern J. H. C. Verspreide Geschriften, т. I—XV, The Hague, 1913—1928.
15. Krom N. J. Hindoe-Javaansche Geschiedenis, 's-Gravenhage, 1926.
16. Krom N. J. Hindoe-Javaansche Kunst, т. I—III, 's-Gravenhage, 1923.
17. Loeb, E. M. Sumatra, its History, and People,— Heine Gebdern R., The Archeology and Art of Sumatra, Vienna, 1935.
18. Moens J. L. Het Buddhisme of Java en Sumatra in zijn laatste bloei periode,— «Tijdschrift voor Indische taal-, land- en Volkenkunde uitgegeven door het Batavia'sch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen», Batavia—'s-Gravenhage, 1915, т. 64.
19. Pane Sanusi, Sedjarah Indonesia, т. I, Djakarta, 1955.
20. Pararaton. The Book of Tumapel and Majapahit, Batavia, 1920.
21. Pigeaud T. G. Th. Java in the 14th Century, A Study in Cultural History. The Nagara Kertagama by Rakawi Prapança of Madjapahit 1365 A. D., т. I—V, The Hague, 1950—1963.
22. Propinsi Sumatera Tengah, Djakarta [после 1952].
23. Schnitger F. M. The Archeology of Hindoe Sumatra, Leiden, 1937.
24. Schnitger F. M. Forgotten Kingdoms in Sumatra, Leiden, 1939.
25. Slamet Muljono. Menudju puntjak kemegahan. Sedjarah keradjaan Madjapahit. Djakarta, 1963.
26. Slamet Muljono. The Structure of the National Government of Madjapahit, Djakarta, 1966.
27. Soeleiman S. Di zaman purbakala,— «Dian», 1957. № 3.
28. Stutterheim W. F. Indonesian Archaeology, The Hague, 1956.
29. Stutterheim W. F. Cultuurgeschiedenis van Indonesië, т. II, Djakarta—Groningen, 1952.
30. Wojowasito S. Sedjarah kebudayaan Indonesia, т. II, Djakarta—Jogjakarta, 1957.
31. Yamin M. Gadjia Mada, Djakarta, [1953].
32. Yamin M. Tatanegara Madjapahit, т. I—IV, Djakarta, 1962.